

**ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И ЭТНИЧЕСКИЙ
СОСТАВ КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА ВО ВТОРОЙ
ТРЕТИ XVIII в.***

Демографическая и этническая история калмыцкого народа в период второй трети XVIII в. весьма красноречиво иллюстрирует социально-экономическое и политическое развитие Калмыцкого ханства в эти годы. Начало этого периода было связано с феодальными междоусобицами, битвой у озера Сасыколь и откочевкой большей части калмыцких улусов за пределы России на Кубань. Вскоре политическая ситуация стабилизировалась, хотя феодальные междоусобицы вспыхивали время от времени (например, битва в урочище Болхуны в 1741 г.), но социально-экономическое положение оставалось тяжелым. Только в правление Дондук-Даши ситуация стала выправляться, а население увеличиваться, в том числе за счет мигрантов из других районов. Конечным хронологическим рубежом избран статистический учет калмыцких улусов в 1768 г. - последний перед откочевкой 1771 г.

Прежде чем приступить непосредственно к теме исследования, следует подчеркнуть, что исследования по численности и этнической структуре калмыцкого народа в XVIII в. серьезно затруднены проблемой недостатка источников. В Калмыцком ханстве производились лишь спорадические исчисления, в том числе отдельных улусов. Однако эти цифровые данные были весьма расплывчаты или в значительной степени необъективны.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Монгольские народы: этногенез и этническая история», № 06-01-91821 а/г.

При этом следует учитывать, что они могли быть неточными не только из-за несовершенства методики подсчета, но из-за сознательных искажений информантами в зависимости от политической конъюнктуры. В кочевом обществе информация о численности населения позволяла определить количество войск, которое могло выставить ханство или улус. Поскольку значительную часть истории Калмыцкого ханства (как и у большинства кочевых государственных образований) занимали войны - внешние и внутренние (междоусобные), эти данные имели ключевой характер в политике калмыцких ханов, тайшей и их соперников или соратников.

Практически весь тот небольшой объем информации, который сохранился до нашего времени, сконцентрирован в основном в письменных источниках - делопроизводственной документации и переписке. Некоторые цифровые данные можно почерпнуть из исторических сочинений XVIII - XIX вв. калмыцких (Габан Шараба, Батур Убаши Тюменя, анонимная «История калмыцких ханов») [см.: Лунный свет, 2003] и русских историков [Бакунин 1995; Бичурин 1991 и др.]. Небольшая часть сведений содержится в статистических и/или географических описаниях того времени [Паллас 1773; Лепехин 1795; Рычков 1999 и др.].

Следует отметить ряд исследователей XX в., которые провели в архивах значительный объем работы и смогли привлечь широкий спектр материалов из делопроизводственной переписки по исследуемому периоду, в том числе по демографии или этнографии Калмыцкого ханства, хотя могли и не ставить себе такую цель. Некоторые из них достаточно хорошо разбирались в политической и социально-экономической ситуации того периода и не попались «на удочку» дилетантов или дезинформаторов далеких лет. Из их числа следует особо выделить таких исследователей, как Н.Н. Пальмов [Пальмов 1926; Пальмов 1929], М.М. Батмаев [Батмаев 1993], А.Г. Митиров [Митиров 1998; Митиров 2002]. Значительный объем статистических данных за различные годы (в том числе полуусно) содержится в работе Г.О. Авляева [Авляев 1994].

Определенный объем информации можно восстановить, анализируя современную этническую структуру калмыцкого народа или аналогичную информацию за начало XX в. или

середины XIX в. Если отбросить малочисленные этнические таксоны и сделать экстраполяцию в глубь веков, то можно было бы выявить наиболее многочисленные и влиятельные улусы в составе ханства. К сожалению, для исследуемого периода эта методика не имеет больших перспектив. Достаточно точные статистические данные по всем калмыцким улусам появились лишь в XIX в., отчасти в конце XVIII в. Однако из-за откочевки 1771 г., когда большая часть калмыцких улусов ушла в Джунгарию, а оставшиеся улусы изрядно перемешались, использовать эти данные применительно ко всему ханству невозможно. Политика царских администраторов, которые, возмещая «убытки», передали оставшимся нойонам отдельные кибитки и группы, еще больше запутала ситуацию. В результате, например, Хошеутовский улус большей частью оказался сформирован из торгутов. Поэтому вышеуказанная методика может быть применена с большей или меньшей достоверностью лишь для Дербетовского улуса, которого события 1771 г. почти не затронули.

Тем не менее, если суммировать весь комплекс имеющейся информации и путем моделирования сформировать кривую народонаселения, то можно выявить те данные, которые являются наиболее достоверными и близкими к истине. Естественно, эти цифры не будут сверхточными, а нам придется оперировать в основном сотнями и тысячами. Нам также придется взять за единицу исчисления тот показатель, который в основном использовали источники в исследуемый период - кибитка (семья). Конечно, можно принять некий коэффициент исчисления людей в кибитке: $x 4$; $x 4,5$; $x 5$ и т.д. Однако немногочисленные сообщения, в которых указываются количество кибиток и людей одновременно, не позволяют с твердой уверенностью вывести этот показатель. Мало того, можно прийти к выводу, что коэффициент являлся «плавающим», и в годы кризисов (военных или экономических) он мог увеличиваться, а в стабильные - уменьшаться до $x 4$ и даже меньше.

При анализе этнического состава Калмыцкого ханства мы можем отметить все четыре основных субэтнуса ойратов: торгутов, дербетов, хошуты, зюнгаров. Однако их численность (и соответственно степень влияния) была

совершенно разной. Отнюдь неслучайно Приволжское ханство неофициально еще называли Торгутским, подобно Хошеутскому ханству на Кукуноре и «зенгорскому» - в Джунгарии. Дербеты и хошеуты, вместе взятые, не составляли даже одной пятой населения Калмыцкого ханства (до 1771 г.) и составляли лишь отдельные улусы. Зюнгары были еще более малочисленными и после короткого существования в качестве небольшого улуса ханши Дармабалы их включили в состав одного из торгутских улусов.

За период второй трети XVIII в. мы можем построить следующую динамику движения населения Калмыцкого ханства. Анализ имеющейся статистической информации подтверждает оценку хана Дондук-Даши, утверждавшего, что калмыков и татаров перед смертью Аюки было 70 тыс. кибиток [Батмаев 1993: 316]. Из этой цифры следует вычесть 15 тыс. ногайских кибиток - едисанов и джембулуков [АВПРИ. Ф.127. Оп.1. 1736 г. Д.1. Л.2], которые в период междоусобиц 1723 г. сбежали к единоверцам на Кубань. Сведя вместе различные данные (о выделении наследства, о междоусобицах и т.п.) и оценив их достоверность, мы видим следующую численность и этнический состав улусов Калмыцкого ханства к началу исследуемого периода.

Потомки старшего сына Аюки Чакдорчжаба (11 нойонов, наиболее влиятельными из которых были Бату, Чидан с мачехой Соломой, Петр Тайшин, Дондук-Даши и Данжин-Дорджи) владели 8 тыс. кибиток керетов (кереитов) и ики-цатанов (цаатн). С ними кочевали улусы бывших вдов нойонов Джамцо (дяди Аюки), Чимета (Батурова) и Гунделека (пятого сына Аюки), которые вышли замуж за Чакдорчжаба. Самым крупным улусом из них были бага-цатаны Дамрин Бамбара и его матери Даши-Бирюнь (примерно 2 тыс. кибиток). Общая численность улусов керетов и цатанов с учетом других небольших этнических групп составляла примерно 11 тыс. кибиток.

Потомки третьего сына Аюки Гунчжаба владели 6 тыс. бага-цохуров (Дондук-Омбо) и ики-цохуров (Бокшурга). Багацохуровский улус является единственным, чей состав до 1771 г. известен достаточно подробно, благодаря сохранившимся документам о его разделе между наследниками Дондук-Омбо. В составе улуса были отмечены

группы как социального происхождения: шубучинеры (сокольники), кетченеры, шабинеры, так и этнические: кереты, харнуты, батуты и др., однако большая часть кибиток была сконцентрирована в группах, именуемых ики-зюны, бага-зюны, ики- и бага-запсоры, ики- и бага-баруны [См.: Митиров 1998: 198-200]. Видимо, этническая структура цохуров была настолько сложной и пестрой (этноним «цохур» чаще переводят как «пестрый»), что пришлось формировать новые этнические таксоны на базе дуального (ики - большой, бага - малый) и триадного принципов (зюны - левое крыло, запсоры - центр, баруны - правое крыло). Если вспомнить, что до битвы у Болхунов в 1741 г. во владении Дондук-Омбо (то есть в Багацохуровском улусе) находились мусульмане-томуты (потомки смешанных браков между калмыками и казахами), то можно предположить, что этот «пестрый» улус изначально был сборным, составленным из мелких этнических групп разного происхождения.

Шестой сын Аюки - Церен-Дондук получил от отца улус из 6 тыс. кибиток, который традиционно именовали Багутовским. По некоторым косвенным данным можно предположить, что этот улус также не был этнически однородным, однако точно определить его состав довольно трудно. После смерти Аюки к Церен-Дондуку и его родному брату Галдан-Данжину (дети от одной матери - Дармабалы) перешли «ханские» улусы - эркетеней (3 тыс.) и хабучинов (3 тыс.), к которым присоединились и зюнгары Дармабалы (1 тыс.). В те годы почти всегда вместе с ханскими улусами кочевал и улус шабинеров (людей, принадлежавших хурулам) Шакур-ламы (4 тыс.).

Торгуты, не принадлежавшие Аюке-хану, в большинстве своем входили в состав улуса табун-отоков (пять отоков), принадлежавшего Дорджи Назарову. В указанный период их численность по документам архивов составляла примерно 8 - 10 тыс. кибиток. К сожалению, ни этнический состав улуса, ни даже названия «пяти отоков» нам не известны; в 1771 г. улус в полном составе ушел в Джунгарию. Вместе с табун-отоками на восточных рубежах ханства часто кочевал и Хошеутовский улус, численность составляла примерно 3 тыс. кибиток. Его этнический состав в тот период нам также неизвестен; в 1771 г. почти весь улус ушел в Джунгарию.

Кроме того, в состав ханства входил Дербетовский улус, численность которого оценивалась в 4 тыс. кибиток. В событиях 1771 г. он не участвовал, поэтому его нынешний этнический состав, также как и описания XIX - XX вв., вполне можно соотнести с XVIII в., предварительно вычленив аймаки, переданных «для компенсации» Н.А. Бекетовым. Данные по этническому составу 2-й трети XVIII в. подтверждают и документы о разделе наследства нойона Лабан-Дондука в 1749 г. Согласно им, в состав Дербетовского улуса входили следующие группы: большие и малые бурулы, тугтуны, большие и малые чоносы, бухусы, хашханеры и кевюды [Митиров 1998: 257].

Если суммировать все эти цифры, то с учетом нескольких малых групп мы получим примерно 55 тыс. кибиток калмыков. В некоторых документах периода после битвы у Сасыколя указывалась более высокая численность ряда улусов. Например, эркетени - 4 тыс. кибиток [Бакунин 1995: 90], цохуры - 7 тыс. [АВПРИ. Ф.119. Оп.1. 1737 г. Д.51. Л.1] и т.д. По всей видимости, это было связано как с приростом населения, так и с переходом (или захватом) кочевников из других улусов. Некоторыми исследователями приводятся и другие цифры. Например, М.М. Батмаев и В.И. Колесник, ссылаясь на роспись генерал-поручика князя И.Ф. Бярятинского 1733 г., определяют численность цохуров в 10 тыс. кибиток, а бага-цатанов - 3,5 тыс. [Батмаев 2002; Колесник 2003]. По указанной росписи общая численность калмыцких улусов составляет 64,5 тыс. кибиток [АВПРИ. Ф.119. Оп.1. 1733 г. Д.5. Лл.420-425]. Эти данные заметно отличаются от цифр, которые обычно фигурируют в делопроизводственной переписке и приведенных В.М. Бакуниным в его книге. Как нам представляется, в случае расхождения все же следует отдавать предпочтение более опытным в «Калмыцких делах» Бакунину, Беклемишеву и др., чем Бярятинскому, который был переведен на этот пост лишь 6 декабря 1731 г. и имел весьма смутное представление о демографии калмыцких улусов. В данном случае можно предположить, что имели место путаница и «двойной счет»: цифра «7000 багацохур» на самом деле относились ко всем цохурам с учетом улуса Бокшурги, а 3,5 тыс. багацатанов - ко всему улусу Дондук-Даши с учетом ики-цатанов. Тем не

менее, некоторые цифры объяснить трудно, например: 8750 шабинеров и 6700 хошеутов [Колесник 2003: 235-236]. С другой стороны, отбрасывать эти цифры и особенно этнический состав улусов, приведенных в росписи Барятинского, нельзя. Следует учесть, что это наиболее ранняя роспись улусов Калмыцкого ханства до 1771 г. с указанием их этнического состава. При подтверждении данных из других источников, эта роспись может быть использована при изучении этнической и демографической истории калмыцкого народа.

В период междоусобиц после битвы у Сасыколи хану Церен-Дондуку не удалось удержать большинство улусов в своих руках. Это привело к смуте и мятежу Дондук-Омбо, который в 1732 г. откочевал за пределы страны на Кубань с братом Бокшургой и частью дербетов. Вскоре его примеру последовали другие улусы (табун-отоки Дорджи Назарова, эркетени, бага-цатаны и др.). В результате этого, на Кубани сконцентрировалась большая часть Калмыцкого ханства, по самым минимальным подсчетам, 30 тыс. кибиток, в том числе: цохуры Дондук-Омбо и Бокшурги (7 тыс.), дербеты Четеря, его сына и брата (2,5 тыс.), захваченные улусы Церен-Дондука (более 2 тыс.) и Галдан-Данжина и Дармабалы (4 тыс.), бага-цатаны Дамрин Бамбара (2 тыс.), ики-цатаны и кереты Чидана (2,5 тыс.), Петра Тайшина (0,3 тыс.) и братьев Дондук-Даши (0,3 тыс.), табун-отоки Дорджи Назарова и других владельцев (10 тыс.) [АВПРИ. Ф.119. Оп.1. 1737 г. Д.51. Л.1]. Остатки улусов Церен-Дондука и его союзников (Галдан-Данжина, Дондук-Даши, Лабан-Дондука, Лекбея и др.) оценивались всего в 10 тыс., причем «половина скудных и бесскотных» [Бакунин 1995: 128].

Российское правительство сумело уговорить Дондук-Омбо вернуться накануне войны с Турцией. Бывший мятежник стал наместником, а затем ханом и сконцентрировал большую часть улусов в своих руках. В ходе русско-турецкой войны он подчинил себе малых ногаев, кочевавших за Кумой, и стал собирать с них дань, но вскоре царская администрация вывела их из юрисдикции Калмыцкого ханства. Однако эта война, в которой калмыки приняли активное участие, и новые междоусобицы, последовавшие после смерти Дондук-Омбо, заметно уменьшили количество калмыцких кибиток.

Например, в 1742 г. Дондук-Даши сообщил, что калмыков «ныне» всего лишь немногим более 20 тыс. кибиток [НА РК. Ф.36. Оп.1. Д.150. Л.126]. Хотя здесь наблюдается явное преуменьшение, масштаб демографических потерь впечатляет. Однако, на наш взгляд, на самом деле они были не столь велики. Если не считать битв у Сасыколи и Болхунов, нескольких столкновений между мятежниками и русскими войсками, кровопролитных сражений здесь не отмечено. Экономике Калмыцкого ханства был нанесен огромный урон, однако массовый голод в документах не отмечен. Разоренные скотоводы, лишившись скота, перешли к Волге и стали заниматься рыболовством (в тех условиях это следует расценивать как признак крайней нищеты у кочевников). В некоторых случаях кочевники, покинувшие улусы, выбывали из системы учета. Следует учесть еще один фактор, который мог сыграть значительную роль в падении кривой графика народонаселения. В результате боевых столкновений и кочевков, разграбления имущества, часть жилищ была уничтожена, а бездомные кочевники переходили к родственникам, которые по нормам обычного права не могли отказать им в крове. В кризисной ситуации произошло увеличение среднего числа людей в кибитке. Здесь четко проявился основной недостаток исчисления населения по количеству семей (или жилищ).

Следует также учесть, что значительная часть калмыков в этот период покинула свои улусы и проживала за их пределами или даже вошла в состав казачьих войск (численность калмыков в казачьих войсках в этот период по некоторым оценкам достигла 19 тыс. человек). Если в 1728 г. в Царицыне, Дмитриевске (Камышине) и Саратове значилось 278 семей калмыков, то к 1734 г. их численность достигла 589 семей [АВПРИ. Ф.119. Оп.1. 1728 и 1734 гг. Д.23. Л.1-38]. Всего к середине 30-х годов XVIII в. в городах Астраханской губернии значилось 1446 семей калмыков (5282 человека). Для их поселения администрация выбрала Среднее Поволжье. 7 апреля 1737 г. был принят указ о поселении калмыков внутри Закамской линии. Весной 1738 г. в этом районе появились первые 700 семей (2104 калмыка). В урочище Кунья Воложка построили крепость, получившую 14 мая 1739 г. наименование Ставрополь [З-в 1848: 29] (позже Ставрополь-на-

Волге, ныне Тольятти). В 1744 г. ставропольских калмыков передали из ведения Коллегии иностранных дел в управление оренбургскому губернатору и ставропольской городской канцелярии, а в 1745 г. Ставропольское поселение преобразовали в иррегулярное войско по типу казачьего. Тем временем, в Ставропольскую крепость продолжали переходить новые группы крещеных поселенцев. После разгрома Галдан-Данжина (сына Аюки-хана) и поражения Джан (вдовы Дондук-Омбо) число беженцев из калмыцких улусов заметно выросло. Например, в 1743 г. в Черкасск прибыли владелец Чидан Дербетев (брат Анны Тайшиной) со 130 кибитками и зайсанг Доржи с 5 кибитками, которые были крещены и отправлены в Ставрополь [АВПРИ. Ф.119. Оп.1. 1744 г. Д.27. Л.1-2]. К 1745 г. численность ставропольских калмыков выросла до 4283 человек, к 1750 г. - до 5531, к 1754 г. - до 8695 человек [Очерки 1967: 205].

Имели место и перекочевки калмыков на Дон, хотя и не в таких масштабах, как ранее. В 1735 г. наместник Калмыцкого ханства Дондук-Омбо и наказной атаман войска Донского Данило Ефремов заключили договор о том, что калмыки, до этого перешедшие на Дон, остаются под юрисдикцией войска, но войсковая администрация обязалась не принимать новых беглецов. Перекочевки калмыков на Дон и обратно продолжались и после 1736 г. Однако в 1753 г. царское правительство по настоянию Дондук-Даши приказало войску вернуть всех калмыков, прикочевавших после указа 1736 г. В результате этого, калмыцким феодалам были возвращены 366 кибиток (1515 человек) [Научный архив КИГИ РАН. Ф.4. Оп.2. Д.17. Л.45]. После указа 1753 г. побег калмыков на Дон стали редкостью, хотя такие случаи имели место. К концу исследуемого периода их численность составила 10 тыс. человек [Дон и степное Предкавказье 1977: 32].

В период правления Дондук-Даши и его сына Убаши внутривосточная ситуация стабилизировалась (если не считать нескольких небольших волнений), начался рост населения Калмыцкого ханства. «Бесскотные» калмыки, осевшие было на берегах Волги, стали «обрастать скотом» и возвращаться в свои кочевья. Начался и обратный отток калмыков из казачьих войск. Увеличил население

Калмыцкого ханства и переход до 2,8 тыс. калмыцких кибиток из разгромленного Джунгарского ханства. В 1755 - 1757 гг. цинская армия захватила Джунгарское и Кашгарское ханства и подавила восстание ойратов с жестокостью и беспощадностью. Тактика «выжженной земли» спровоцировала голод, который привел к гибели еще большего количества ойратов. По донесениям наблюдателей из каждых 5 тысяч жителей, захваченных китайцами, - 4 тысячи умерли от голода [АВПРИ. Ф.113. Оп.1. 1758 г. Д.6. Л.50]. По данным некоторых китайских историков, в результате завоевания Джунгарии погибло 70% жителей завоеванных ханств, около 20% - удалось бежать за границу [Санчилов 1983: 63]. Огромное количество беженцев оказалось в плену у киргизов и казахов. Многие «зенгорцы» (джунгарцы-ойраты), урянхайцы, киргизы, телеуты, бухарцы и др., откочевав на территорию соседних государств, обратились с просьбами о принятии в подданство. Только в Малую Бухару (Кашгарию) бежали «3 тысячи калмыцких кибиток вместе с бухарцами» [АВПРИ. Ф.113. Оп.1. 1758 г. Д.6. Л.50]. В крепостях Сибирской губернии большие группы беженцев начали появляться еще до восстания Амурсаны. Тобольский губернатор адмирал Мятлев доносил в Коллегию иностранных дел, что на крепостях и форпостах Кольванской и Кузнецкой линий, а также Усть-Каменогорской крепости значилось 7011 беженцев из Джунгарии, в том числе 2430 «зенгорцев», 2100 урянхайцев, 1426 телеутов, 836 бухарцев [АВПРИ. Ф.113. Оп.1. 1757-1764 гг. Д.8. Л.3-5]. Царское правительство разрешило принимать беженцев в русское подданство, но при условии, что они будут переходить в православие. Тех ойратов, которых не удалось принудить к крещению, отправили в приволжские улусы, к Дондук-Даши. В числе последних был отряд Шеаренга (около 10 тысяч человек) и группа ойратов во главе с вдовой Амурсаны [АВПРИ. Ф.113. Оп.1. 1758 г. Д.6. Л.39].

Все ойраты, которых удалось крестить, должны были перейти на поселение в Ставрополь. В состав войска вошел 2961 человек, хотя 11 сентября 1757 г. оренбургский губернатор И.И. Неплюев сообщил, что «из следующих к Оренбургу зюнгорцев» в пути умерло 557 человек [АВПРИ. Ф.113. Оп.1. 1755-1757 гг. Д.4. Л.616]. К 1759 г. общая численность ставропольских калмыков составила более 11,5

тыс. человек. Однако многие кочевники не желали менять привычный образ жизни и переходить на оседлость. Некоторые семьи ставропольских калмыков покинули свои места. 9 февраля 1764 г. астраханский губернатор Н.А. Бекетов сообщил императрице Екатерине II о том, что до тысячи семей крещеных калмыков бежали из Ставропольского войска из-за непривычного климата и ностальгии. По рекомендации Бекетова им предоставили свободу выбора [НА РК. Ф.Р-145. Оп.1. Д.190. Л.8]. Но побег продолжались и позже. По данным войсковой канцелярии, на декабрь 1768 г. значилось всего лишь 8217 калмыков, в том числе 2219 джунгарских [Шовунов 1992: 136]. Калмыки также несли службу в Оренбургском и Уральском войсках. По нашей оценке, общая численность калмыков в войсках Поволжья и Приуралья к концу 2-й трети XVIII в. достигла 9,5 тысяч человек.

По данным 1768 г. (явно заниженным) население калмыцких улусов составляло 40222 кибитки калмыков, причем 23715 кибиток принадлежали Убаши-хану, а остальные 16507 - другим владельцам. Отмечается также и наличие в составе ханства небольшого количества «татар» (как астраханских татар, так и ногайцев). Например, в подчинении у хана было 1129 кибиток татар. Однако, по нашей оценке, процент «утаенных» кибиток был не таким уж большим: около 10%. Учитывая относительно благоприятную экономическую ситуацию и прекращение междоусобиц, фактор увеличения среднего количества людей в кибитке, характерный для кризисов, нельзя признать в данном случае определяющим.

Таким образом, мы можем констатировать сокращение численности населения Калмыцкого ханства за период 2-й трети XVIII в., как за счет откочевков, так и за счет внутренней убыли. Основной причиной этого следует считать нарастание внутренних междоусобиц в результате ослабления ханской власти. Естественный прирост не мог компенсировать эти потери. Произошли заметные перемены и в этническом составе ханства за счет присоединения «новых» зюнгаров после падения Джунгарского ханства.

Литература

1. Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа (IX - 1 четверть XVIII вв.). - М. - Элиста: ИНИОН РАН, 1994.
2. Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: Сочинение 1761 года/ Вступ.ст. М.М. Батмаева. - Элиста: Калм.кн.изд-во, 1995.
3. Батмаев М.М. Калмыки в XVII - XVIII вв. События, люди, быт. - Элиста: Калм.кн.изд-во, 1993.
4. Батмаев М.М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII - XVIII вв. - Элиста: АПП «Джангар», 2002.
5. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени: Предисл. В.П. Санчирова. - Элиста: Калм.кн.изд-во, 1991.
6. Дон и степное Предкавказье. XVIII - первая половина XIX в. (Заселение и хозяйство). Под ред. А.П. Пронштейна. - Ростов н/Д, 1977.
7. 3-в Н. Исторический обзор ставропольских калмыков и несколько данных о современном их состоянии // Отечественные записки. 1848. Т. XXXV. №7-8. Отд.2. С.27-38.
8. Колесник В.И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. - М.: Вост. лит., 2003.
9. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия... по разным провинциям Российского государства. Т.1. - СПб., 1795.
10. Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники: Пер. с калм. / Сост., ред., вступ.ст., предисл., коммент. А.В. Бадмаева. - Элиста: Калм.кн.изд-во, 2003.
11. Митиров А.Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. - Элиста: Калм.кн.изд-во, 1998.
12. Митиров А.Г. Истоки. - Элиста: Калм.кн.изд-во, 2002.
13. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. - М.: Наука, 1967.
14. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч.1. - СПб.: АН, 1773.
15. Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч.1. - Астрахань: Облисполком, 1926.
16. Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч.П. - Астрахань: Облисполком, 1929.
17. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. - Уфа: Китап, 1999.
18. Санчиров В.П. Приволжские калмыки в составе Цинской империи в конце XVIII в. // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. - Элиста: Калм.кн.изд-во, 1983. С.60-73.
19. Шовунов К.П. Калмыки в составе российского казачества. - Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992.